

Е.С. ШАТОВА
(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.3(Гоголь Н.В.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ «АРАБЕСОК» Н.В. ГОГОЛЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты научной полемики о характере художественной целостности сборника Н.В. Гоголя «Арабески».

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Арабески», сборник, цикл, книга

Специфика писательского таланта Н.В. Гоголя во многом обусловлена особенностями его личности, проявившимися, в частности, в устойчивом стремлении не ограничивать поле своей общественной деятельности сугубо литературным творчеством. По верному утверждению К.В. Мочульского, Гоголь был «не только великим художником: он был и учителем нравственности, и христианским подвижником»¹. По-видимому, и сам Гоголь понимал это свойство своей натуры, в одном из писем к матери он просит: «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора» [12, 326]².

Многочисленные биографы писателя обращают внимание на разносторонность его интересов, проявившуюся уже в самые ранние годы³. Так, еще в детстве под влиянием отца пробуждается интерес Гоголя к поэзии и театру. Во время учебы в Нежинском лицее он активно участвует в спектаклях, с особым успехом исполняя комические роли, играет на скрипке, пробует себя в различных литературных жанрах (пишет элегические стихотворения, трагедии, историческую поэму, повесть). Вместе с товарищами выписывает в складчину журналы, принимает участие в издании лицейского рукописного журнала. Гоголь пробует себя и как живописец, книжный график, театральный декоратор. Приехав в Петербург, он продолжает занятия живописью в вечерних классах Академии художеств. Об активном интересе Гоголя ко всем сферам искусства говорит и тот факт, что во время своего пре-

¹ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 7.

² Здесь и далее цит. по: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952 (с указанием тома и страницы в тексте статьи).

³ См. об этом подробнее: Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. М.: Просвещение, 1971; Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809-1845. М.: Аспект Пресс, 2004; Мочульский К.В. Указ. соч. и др.

бывания в Риме, он изучает памятники архитектуры и скульптуры, живописи старых мастеров, знакомится со многими русскими художниками.

Гоголь был одно время серьезно увлечен мечтами о государственной службе, отдал много времени и сил педагогической деятельности. В 1834 году, будучи уже известным русским писателем, имея за плечами «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», он занял должность адъюнкта по кафедре истории в Петербургском университете. В это время Гоголь вынашивал грандиозные планы: мечтал о создании многотомной «Истории Малороссии», замыслил написать «Историю средних веков», готовил к печати громадный труд «Земля и люди», работу «О духе и характере народной поэзии славянских народов». С.И. Машинский так характеризует научный уровень работ писателя: «Дошедшие фрагменты исторических исследований Гоголя говорят о серьезности его научных интересов. Намерения Гоголя создать ряд крупных работ в области истории отнюдь не были бахвальством, как утверждали некоторые мемуаристы»⁴. По мнению исследователя, в своих исторических работах Гоголь стоял на уровне передовых идей европейской историографии.

Гоголь проявил себя и как религиозный мыслитель. Во второй половине жизни ему начинает казаться, что он пророк, святой, почти мессия. В письме к Данилевскому он пишет: «Властью высшей облечено отныне мое слово» [11, 343]. Отсюда путь, подсказанный ему христианским сознанием, – путь поучения и нравственного влияния на современников. У максималиста Гоголя зарождаются «исполиньские замыслы на что-то вроде *вселенского учительства*» [11, 221].

Изначально Гоголь был вдохновляем уверенностью в своем «служении» людям, мечтал о подвиге, о своей особенной миссии. На свою литературную работу он смотрел как на государственную службу. Писатель, по Гоголю, призван служить своему отечеству, быть добрым гражданином и усердным работником. Искусство, литература, эстетика не автономны; существование их оправдывается только пользой, которую они приносят человечеству. Сам Гоголь говорил: «Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной <...> *Дело мое – душа и прочное дело жизни*» [11, 236].

Многообразие видов общественной деятельности, привлекавших великого художника, дает основание говорить об универсальности как основной черте его личности, которая, по-видимому, являет собой особую форму выражения самосознания собственной гениальности и

---

⁴ Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. С. 149.

основу специфической психологической цельности: «Предмет у меня был всегда один и тот же: предмет у меня был – жизнь, а не что другое. Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к тому, кто есть источник жизни» [12, 223].

В литературном творчестве универсальный характер гоголевской личности проявился в замеченном Г.А. Гуковским стремлении осмыслить жизнь во всех ее проявлениях и сразу. По мнению исследователя, писатель «не двигался от одного произведения к другому, но как бы в едином длящемся мгновении обнял сразу всю сумму своих художественных идей <...> он предстал истории разом весь, во всем своем величии»⁵.

В гоголевском универсализме искусство и литература подпочвенно соприкасались с наукой и философией. Писатель с особым уважением говорит о «великих поэтах, которые соединяют в себе и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу человека, проникли минувшее и прозрели будущее, которых глагол слышится всем народом» [8, 236]. Таков идеальный художник по Гоголю, утверждавшему: «Друг мой, храни вас Бог от односторонности: с нею всюду человек произведет зло: в литературе, на службе, в семье, в свете, словом – везде» [11, 146].

Впервые ярко и полно универсальность гоголевской личности проявилась в сборнике «Арабески», вышедшем из печати в начале 1835 г. В него вошли произведения, над которыми Гоголь работал одновременно с повестями, составившими «Миргород».

На первый взгляд, в «Арабески» Гоголь просто включил те художественные повести, которые не вошли в «Миргород», а заодно и литературно-критические статьи, эссе на философские и религиозные темы, собрав все в пеструю кучу.

Тем не менее «Арабески» – не случайное издание имевшихся под рукой произведений, а результат целенаправленного творчества: писатель долго раздумывал над составом сборника. Содержание книги сложилось не сразу, план ее несколько раз менялся.

У «Арабесок» самая странная судьба из всех гоголевских сборников. Он наименее среди них изученный, долгое время даже не воспринимавшийся как сборник. Сам Гоголь положил этому начало, когда «изъял» три повести из «Арабесок» и поместил их в позже в 3 том своего собрания сочинений, тем самым дав основания литературоведам рассматривать их в составе «петербургского» цикла. Статьи из «Арабесок» привлекаются, когда речь идет об эстетических, исторических

---

⁵ Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М. ; Л. : Худож. лит., 1959. С. 26.

взглядах писателя или о его мировоззрении. Таким образом, художественные и нехудожественные произведения, вошедшие в сборник, анализируются, как правило, изолированно друг от друга.

В изученной нами литературе не встретилось специального анализа сборника как художественно целостного произведения со своей особой композицией и структурными принципами. В то же время исследователи часто говорят о возможности такого подхода к его интерпретации.

Так, можно встретить указания на идейно-тематическое единство «Арабесок». Например, Н.А. Котляревский считает, что в основе идейного содержания сборника лежит «мысль о борьбе художника с прозой жизни <...> которая почти всегда кончается гибелью дерзкого, возмущившегося против действительности человека»⁶. И.М. Губарев утверждает, что сборник объединяет «резко отрицательное отношение к современному феодально-капиталистическому миру» и противопоставление ему «мира прекрасного и народной жизни»⁷. Главным способом обнаружения ведущей идеи исследователь считает композиционный принцип антитезы: «Гоголь не расположил повести рядом, а разместил их по всему сборнику, так что грандиозные картины, олицетворяющие жизнь великих эпох человечества <...> оказались рядом с зарисовками мелочно-суетливой и фантастичной по своей нелепости петербургской действительности»⁸. В контрастности этих картин, по мнению И.М. Губарева, воплощается критический пафос «Арабесок»: «Помещая рядом прекрасное и уродливое, гармоничную личность античного мира и “раздробленные характеры” призрачного Петербурга, Гоголь заставляет сами эти картины кричать и изобличать»⁹.

Еще более важными представляются нам рассуждения о единстве сборника на более глубоком, эстетическом уровне. Так, по мнению И.В. Карташовой, художественная форма «Арабесок» может быть воспринята как выражение романтического мироощущения их автора: «Собрание отдельных произведений, объединенных единой мыслью, но разнообразных, отмеченных резкой индивидуальностью, по мысли романтиков, должно было наглядно раскрыть идею единства и бесконечности развития жизни. Каждое произведение цикла представляло собой как бы эскиз отдельного явления, отдельную мелодию, фраг-

⁶ Котляревский Н.А. Николай Васильевич Гоголь, 1829-1842: Очерк из истории русской повести и драмы. 4-е испр. изд. Пг. : Типография М.М. Стасюлевича, 1915. С. 163.

⁷ Губарев И.М. «Петербургские повести» Гоголя. Ростов н/Д : Ростовское кн. изд-во, 1968. С. 24.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же. С. 33.

мент, и все вместе составляли целостную “симфонию”. С другой стороны, *отрывочность*, внутренняя незавершенность фрагмента отвечали романтическим представлениям о мире как *процессе вечно становления и развития*¹⁰.

По мнению других исследователей, эстетическая позиция Гоголя в период работы над сборником была более сложной. В.В. Гиппиус замечает: «Статья о Брюллове утверждает другой эстетический идеал, чем статья о Пушкине <...> Оба идеала совмещались в сознании Гоголя, и сам он в процессе собственного художественного развития пытался их сочетать»¹¹. И.М. Губарев также видит в «Арабесках» проекцию противоречивого внутреннего мира писателя: «С одной стороны в них отразились великие искания <...> проникновение великого реалиста в будущее, а с другой – консервативные взгляды и реакционные идеи, связывающие его с прошлым»¹².

Несколько иначе объясняет «пестроту» «Арабесок» С.И. Машинский. Исследователь рассматривает сборник как книгу, в которой проявилась универсальность гоголевской личности: «...статьи и повести посвящены весьма обширному кругу тем, внешне никак между собой не связанных. И, однако же, острая, пытливая мысль Гоголя, его *индивидуальность*, его мировосприятие, его взгляд на историю и современность выражены здесь с удивительной цельностью, оказываются в данном случае тем *цементирующим началом*, которое связывает воедино все произведения сборника и превращает их в целостную книгу»¹³. Ю.В. Манн интерпретирует создание сборника как акт, нацеленный на обретение цельного мировоззрения: «В кризисном 1833-м Гоголь всеми помыслами стремился к увесистому, цельному, объемному произведению, преодолевавшему раздробленность и отрывочность»¹⁴. По мысли исследователя, сложный состав сборника оказывается особой, специфической формой проявления тенденции к внутренней упорядоченности гоголевского сознания.

Таким образом, мы увидели определенные расхождения между исследователями, пытавшимися осмыслить художественную природу «пестроты» «Арабесок». При этом следует отметить, что практически все эти позиции не подкрепляются специальным анализом произведе-

¹⁰ Карташова И.В. Гоголь и романтизм. Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1975. С. 56.

¹¹ Гиппиус В.В. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М. : Аграф, 1966. С. 89.

¹² Губарев И.М. «Петербургские повести» Гоголя. С. 24-25.

¹³ Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. С. 147.

¹⁴ Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809-1845. С. 329.

ний, вошедших в сборник, в их соотносительности друг с другом, а потому носят характер декларативный и нуждаются в проверке.

Наконец, заметно разноречие в определении самой жанровой формы «Арабесок».

Г.А. Гуковский рассматривает «Арабески» в контексте свойственного Гоголю тяготения к циклизации, проявляющегося в стремлении «к ассоциативному выходу за пределы замкнутого произведения, к образованию существенных смыслов как бы между произведениями, в отношениях произведений, в их совокупности, в образе, строяемом читателем из их системы»¹⁵. По мысли исследователя, процесс создания цикла был для Гоголя специфическим способом обретения цельности образа мира в его противоречивом единстве: «Стремление Гоголя к циклизации, к преодолению отдельности произведения было так сильно, что оно могло перехлестнуть и через границы художественного творчества, образовав неожиданное и весьма редкостное единство сборника “Арабески”»¹⁶. И.В. Карташова также сближает «Арабески» с циклом. По ее мнению, гоголевские сборники первой половины 1830-х годов представляют собой целостные идейно-художественные единства, организованные одной мыслью. Отдельные произведения, входящие в их состав, получают свое значение прежде всего по отношению ко всему поэтическому целому¹⁷.

И.М. Губарев называет «Арабески» сборником¹⁸. Этот же термин предпочитает Ю.В. Манн¹⁹.

С.И. Машинский рассматривает «Арабески» как «целостную книгу»²⁰. Аналогично обозначает жанр интересующего нас произведения В.В. Гиппиус²¹.

Таким образом, нами выявлено разноречие в определении жанровой формы «Арабесок»: их называют то сборником (И.М. Губарев, Ю.В. Манн), то книгой (С. Машинский, В. Гиппиус), то циклом (И.В. Карташова), то вперемешку используют определения «сборник» и «цикл» (Г.А. Гуковский). Однако сам выбор обозначения воспринимается как произвольный, поскольку исследователи ограничиваются рассуждениями о единстве идей, мотивов, образов в «Арабесках», но не заостряют внимания на жанровом аспекте проблемы специально.

¹⁵ Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. С. 27.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Карташова И.В. Гоголь и романтизм. С. 58.

¹⁸ Губарев И.М. «Петербургские повести» Гоголя. С. 32.

¹⁹ Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809-1845. С. 329.

²⁰ Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. С. 147.

²¹ Гиппиус В. Гоголь. С. 40.

Между тем цикл, сборник, книга – разные жанровые образования, представляющие собой художественные единства разного уровня.

Нам думается, что именно жанровый анализ позволит глубже осознать природу единства «Арабесок» как художественного целого, выявить системный характер взаимосвязи всех составляющих это целое элементов, начиная с пафоса и заканчивая элементами поэтики.